

Научная статья

УДК 94(470.41)“18/19”

DOI: 10.32516/2303-9922.2024.49.12

Уездный город глазами татарского писателя Галиаскара Гафурова-Чыгтая (на примере Чистополя и Бузулука)

Лилия Рамилевна Габдрафикова

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия, bahetem@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>

ФИЦ «Казанский научный центр Российской академии наук», Казань, Россия

Аннотация. В статье анализируется образ уездного города рубежа XIX—XX вв., представленный в мемуарах татарского писателя Галиаскара Гафурова-Чыгтая (1867—1942). Воспоминания датируются 1930-ми гг. В 1883—1891 гг., 1896—1914 гг. он жил в Чистополе и Бузулуке, учился в медресе, служил муллой. При описании обоих периодов жизни писатель уделял большое внимание представителям татарских общин городов: экономической активности, взаимоотношениям, культурным ориентирам, а также местным лидерам. Автор приходит к выводу о том, что Гафуров-Чыгтай сравнивал татарскую общину с русской, пользуясь главным образом советскими штампами. Негативная коннотация текста была связана и с обстоятельствами личной жизни мемуариста. Эго-документ дополняет представления о жизни уездных городов Волго-Уральского региона, показывает особенности полиэтничного городского сообщества и проблемы повседневности мещанского сословия в конце XIX — начале XX века.

Ключевые слова: татары, мусульмане, городской социум, история повседневности России, мещане, татарская литература, эго-документы.

Для цитирования: Габдрафикова Л. Р. Уездный город глазами татарского писателя Галиаскара Гафурова-Чыгтая (на примере Чистополя и Бузулука) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 1 (49). С. 227—235. URL: http://vestospu.ru/archive/2024/articles/49/12_49_2024.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.49.12.

Original article

Provincial town through the eyes of the Tatar writer Galiaskar Gafurov-Chygtay (the case of Chistopol and Buzuluk)

Liliya R. Gabdrāfikova

Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia, bahetem@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>

FRC Kazan Scientific Center of RAS, Kazan, Russia

Abstract. This article presents an image of a provincial town at the turn of the 19th and 20th centuries from the memoirs of the Tatar writer Galiaskar Gafurov-Chygtay (1867—1942) written in the 1930s. He lived in Chistopol in 1883—1891 and in Buzuluk in 1896—1914, studied at a madrasah and served as a mullah. These memoirs describe people of the Tatar community of these towns: their economic activity and relationships, cultural models and local leaders. The author concludes that Gafurov-Chygtay kept to the clichés of Soviet ideology when comparing the Tatar and Russian communities of these towns. The negative connotation of the narration is a reflection of some circumstances of the writer's personal life. This ego-document provides new details about the life of provincial towns in the Volga-Ural region, shows a multi-ethnic urban community and the problems of everyday life of the petty bourgeois class in the late 19th — early 20th centuries.

Keywords: Tatars, Muslims, urban society, everyday life history of Russia, philistines, Tatar literature, ego-documents.

© Габдрафикова Л. Р., 2024

For citation: Gabdrafikova L. R. Provincial town through the eyes of the Tatar writer Galiaskar Gafurov-Chygtay (the case of Chistopol and Buzuluk). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2024, no. 1 (49), pp. 227—235. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.49.12>.

Введение

Изучение истории повседневности многих малых городов сопряжено с источниково-ведческими трудностями: скудность документальной базы часто ограничивает возможности исследователей при реконструкции страниц прошлого населенного пункта. По насыщенности публичных событий уездные центры значительно уступали губернским городам. А что касается частной жизни, то в маленьких городах проживало не так много пишущей публики, способной и имеющей время для фиксации собственных наблюдений и впечатлений. Задача еще более усложняется, когда речь идет о нерусской общине уездного города (в данном случае татарской). Прошлое татар — жителей уездных городов можно отнести к числу «белых пятен» истории. К числу таких уездных городов относятся Чистополь (Казанская губерния) и Бузулук (Самарская губерния). К счастью, находятся источники, раскрывающие городскую повседневность рубежа XIX—XX вв. с иного ракурса. Одним из таких любопытных эго-документов являются записи татарского писателя Галиаскара Гафурова-Чыгтая (1867—1942).

Галиаскар Мугинутдинович Гафуров (Чыгтай — его дореволюционный псевдоним) родился в деревне Чатран Чистопольского уезда Казанской губернии (совр. Новое Ибрайкино Аксубаевского р-на Татарстана), там же прошли его детские годы. Целью нашей публикации является анализ фрагментов воспоминаний Г. Гафурова-Чыгтая, связанных с чистопольским и бузулукским периодами его жизни, реконструкция образа уездного города, обусловленного личным опытом татарского писателя. В Чистополе он жил и учился в медресе в 1883—1891 гг., а в Бузулуке в 1897—1914 гг. служил муллой.

Литература и источники. Мемуары Г. Гафурова-Чыгтая написаны в 1936—1942 гг. и охватывают период с 1875 до 1935 г. Автобиографическую повесть он назвал «Галинец алтмыш еллык истэлеклэре» («Воспоминания Гали за шестьдесят лет»). Рукопись хранится в Центре письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусств Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). Впервые мемуары были подготовлены к изданию в 2017 г. к 150-летию со дня рождения литератора [6].

Г. Гафуров-Чыгтай — татарский писатель с неоднозначной репутацией. Еще до установления власти советов и атеистических взглядов мулла Чыгтай в 1909 г. выпустил книгу «Исабэт» с критикой ряда мусульманских догм. Публикация имела скандальный характер, спровоцировала обсуждение в прессе, автора хотели лишить указа (права) на служение имамом. Объяснения Г. Гафурова-Чыгтая в Оренбургском магометанском духовном собрании и публичное признание своей неправоты не особо изменили ситуацию. Скандал оказал влияние и на жизнь самого Гафурова-Чыгтая, и на изучение его творчества. После оставления религиозного служения он работал в сфере журналистики: в редакциях татарских газет «Кояш» (Казань), «Тормыш» (Уфа), а с 1917 г. — в журнале «Фэн хэм дин» («Наука и религия»), издававшемся в Москве.

В 1960-е гг. исследователи признали его творческие заслуги, обозначив его как одного из первых в татарской книжной культуре пропагандистов женских прав рубежа XIX—XX столетий. Повесть «Тутам» («Моя тетя»), изданная в 1905—1907 гг. под женским псевдонимом Галима, уже идентифицировалась как произведение Г. Гафурова-Чыгтая. Большую роль в переоценке наследия писателя сыграл литературовед М. Гайнуллин [3, с. 177]. Но публицистика Г. Гафурова-Чыгтая, в том числе мемуары, равно как и его жизненный путь в контексте эпохи, еще не подвергались глубокому анализу. В сообщениях и статьях З. З. Рамеева, Л. Ш. Гариповой, Г. Г. Зайниева дается лишь общая характеристика его автобиографической повести и подчеркивается научная ценность этого труда [4; 12].

Историография и Чистополя, и Бузулука имеет некоторую научную основу [5; 14], однако история татарских общин уездных городов представлена лишь в отдельных аспектах [2; 7; 8; 9]. Между тем до 1917 г. в Чистополе проживала многочисленная татарская община, а урбанизационные процессы среди татарского населения в данном районе прослеживаются еще с конца XVIII века. Совсем по-другому складывалась ситуация в Бузулуке, где татарская община сначала была небольшой, но к 1917 г. в городе были организованы уже два мусульманских прихода. В этой связи крайне важно дальнейшее исследование данной проблематики, в том числе с привлечением новых источников.

Результаты исследования

И Чистополь, и Бузулук получили статус уездного города в 1781 г. в ходе реформ Екатерины II. При этом в первом случае это было село Чистое поле, образовавшееся на месте бывшего татарского поселения, а во втором — бывшая Бузулуцкая крепость. К концу XIX века в Чистополе проживало 20 104 чел., в Бузулуке — 14 362 [9, с. 69]. После проведения железной дороги Бузулук получил новый импульс для развития, в него постоянно прибывало новое население. Для Чистополя основной транспортной артерией всегда была река Кама. Город являлся центром хлебной торговли.

Впервые Г. Гафуров-Чыгтай приехал в Чистополь летом 1883 г. Отправился он в уездный город вместе с хлебным обозом своего односельчанина. В его памяти отложились первые впечатления от знакомства: город встречал его вереницей ветряных мельниц и хлебных возов, шустрými перекупщиками из числа местных шакирдов (учеников медресе) и деловитыми приемщиками зерна [6, с. 32—33]. Юный Галиаскар был поражен красотой двухэтажных каменных домов и широких мостовых, сравнивал их с видами Спасска (там он бывал ранее) и решил, что тот явно уступает Чистополю. «Здесь можно потеряться», — заключал он [6, с. 216].

Чистопольское медресе находилось в стороне от шумных улиц и базара, в центре Татарской слободы с двумя мечетями. Мусульманское учебное заведение состояло из трех зданий: двух одноэтажных деревянных и одного двухэтажного каменного. В последнем первый этаж отводился шакирдам, на втором жили мюриды (последователи ишана). Из-за того, что этот период жизни Г. Гафурова-Чыгтая был полностью связан с медресе, в тексте он описывает быт медресе и шакирдов, а также его руководителя — Закир-ишана Камалова [6, с. 221—222].

Знакомство с Бузулуком состоялось спустя 13 лет. После Чистополя шакирд Галиаскар учился в медресе д. Кизляу того же уезда, работал некоторое время в д. Тютяяр Малмыжского уезда Вятской губернии. Кроме того, с целью изучения русского языка в этот период он побывал в Костроме и Казани. В последнем городе Г. Гафуров-Чыгтай сдал экзамен и получил свидетельство — документ о знании русского языка требовался при вступлении в должность муллы [6, с. 60]. Возможно, поэтому при описании Бузулука он уже не говорит о своих первых впечатлениях, не приводит никаких архитектурных подробностей города, а отмечает лишь большую роль железной дороги и стремительный рост населения в Бузулуке, в том числе татарского. Кстати, если в Чистополе татарская община тогда была очень заметной (в 1897 г. — 4923 чел., или 24,5% от общего числа жителей), то в Бузулуке было зафиксировано 847 татар (5,9%) [9, с. 69].

Основу мусульманской общины Чистополя составляли мещане-домовладельцы. До 1886 г. функционировало татарское мещанское собрание, позднее татарская и русская мещанские управы были объединены в одну. Сословное обозначение «мещане» в советское время приобрело негативную коннотацию, сконцентрировав на себе все черты среднего городского обывателя (маргинальность, полуграмотность, привязанность к своему дому

и материальным ценностям, узкий кругозор и т.п.). Именно с помощью таких стереотипов Г. Гафуров-Чыгтай подходит к описанию чистопольских татар конца XIX в. Как уже было сказано выше, он создавал свой текст в начале 1930-х гг., находясь в рамках советского идеологического конструкта об отсталых в культурном плане нацменьшинствах и передовом русском народе.

В Бузулуке была другая ситуация — татар-мещан насчитывалось совсем мало. Не все горожане обзавелись собственным домовладением. Г. Гафуров-Чыгтай подчеркивает, что в конце XIX века крошечный собственный дом имел лишь вокзальный сторож по имени Идрис и местный торговец Вали Вагапов, а остальные татары проживали в квартирах. В их числе он называет и некоторых состоятельных людей, например, владельца нескольких торговых лавок Гильмана Гимранова [6, с. 65]. Его он представляет как единственного на тот момент предпринимателя из татар. Эта информация совпадает и с архивными сведениями, представленными в работе Д. Н. Денисова. По его данным, тетюшский мещанин Г. Гимранов был временным бузулукским купцом 2-й гильдии и лидером мусульманской общины Бузулука [8, с. 380]. Кроме него в мемуарах выделяется еще «Хаммат-Вали абзый» (бузулукский мещанин Вали Вагапов. — *Л. Г.*). И В. Вагапов, и Г. Гимранов были заняты в кожевенном промысле, занимались перепродажей шкур и другой сопутствующей продукции животного происхождения. Хотя Вагапов начинал с разносной торговли лимонами, был старьевщиком и т.д., Г. Гафуров-Чыгтай пишет, что Гимранов имел деловые связи с предпринимателями Москвы, Варшавы, и вместе с Вагаповым они дополняли друг друга («были как две разные лошади в одной упряжке»). Если Г. Гимранов он характеризует как размеренного и степенного предпринимателя, то В. Вагапов отличался стремительностью нрава и брался за самые разные дела. По мнению автора, секрет успеха последнего был еще в том, что, с одной стороны, он много давал в долг местным чиновникам (исправнику, надзирателю, мелким служащим полиции), с другой — поддерживал неформальные связи с криминальным миром и помогал выпускать из-под стражи преступников под свое поручительство, поэтому, по словам Г. Гафурова-Чыгтая, Вагапова в Бузулуке называли «14-м земским начальником» (всего в уезде было 13 официальных земских начальников) [6, с. 87—88]. Вагапов и Гимранов являлись попечителями мечети г. Бузулука. Впоследствии отношения между муллой и попечителями были испорчены, поэтому этот момент является рефреном в ходе всего описания Бузулука. Более того, бузулукский мещанин Вали Вагапов стал героем книги «Хан Баскак», выпущенной Г. Гафуровым-Чыгтаем в Казани в 1914 г. [15].

В описании чистопольского татарского предпринимательства уже нет таких подробностей. Возможно, будучи еще учеником медресе, автор не представлял всех нюансов местной деловой жизни, в том числе теневой стороны бизнеса. Оценивая обороты купечества в Чистополе, он отмечал, что среди них есть только два «слабеньких» предпринимателя-хлеботорговца из местных татар (Мустафа и Гатаулла) [6, с. 10]. Судя по всему, речь идет о купце Гатаулле Уразгильдееве, который на самом деле обладал внушительным капиталом [5, с. 22]. Все остальные татары, по словам автора, занимались мелкой торговлей или были наемными работниками. Они нанимались помощниками к хлеботорговцам, продавали чай, сахар, «красный» (мануфактурный) товар, печеный хлеб и похлебку на базаре [6, с. 10]. Кроме того, мелкие торговцы реализовывали свои товары и на толкучем рынке. Их было, по словам автора, особенно много. Это касалось больше деятельности татар-старьевщиков [6, с. 228]. Действительно, только по данным переписи 1897 г. в Чистополе в торговле было занято 345 местных татар [14, с. 33—36], это без учета работающих в этой же сфере приказчиков.

Чистопольских татар-предпринимателей Г. Гафуров-Чыгтай противопоставляет не только местному русскому купечеству, но и татарским купцам Казани. Он приводит слова татарского байта и делает вывод о том, что чистопольские татары слишком «наглые и даже жуликоватые» из-за постоянной нужды и неграмотности [6, с. 11]. Здесь писатель подразумевает татар-перекупщиков, которые занимались перепродажей крестьянского хлеба местным купцам. Интересно, что автор мемуаров отмечает конфликтный характер их взаимоотношений с учениками медресе: такие городские мусульмане привязывались на улице к шакирдам и шантажировали их тем, что выдадут хазрату (очевидно, если находили в их поведении что-то выходящее за рамки традиционных социальных норм). Ученики старались откупиться [6, с. 228—229].

Характеризуя доходы бузулукских обывателей, Г. Гафуров-Чыгтай останавливается подробно на продаже так называемой «травы Кузьмича» (эфедры). Благодаря росту интереса к фитотерапии и развитию печатной рекламы, по его словам, многие жители Бузулука сушили и продавали эту траву, находя покупателей в основном через объявления в газетах. Он и сам промышлял «эфедрой Кузьмича» и слышал порицания от своих прихожан («мулла занимается торговлей»). Собирали это растение на берегу Урала, горожане покупали его в свежем виде у крестьян целыми тюками, некоторые сами занимались сбором травы. Продавали небольшими порциями, в упакованном виде. Среди наиболее успешных продавцов Г. Гафуров-Чыгтай называет Матвеева, а из татар — Вагапова [6, с. 80]. Действительно, объявления о «Кузьмичевской траве» из Бузулука встречаются даже в столичных журналах. Например, упомянутый Н. Матвеев («разбогатевший на этой траве») рекламировал траву в «Ниве» и в качестве своего обратного адреса указал «Публичную библиотеку» в Бузулуке [11, с. 655], что неудивительно — при своей книжной лавке он организовал также платную выдачу книг на дом [10, с. 32].

Бывшего шакирда Чистопольского медресе Г. Гафурова-Чыгтая в 1896 г. пригласили в Бузулук в качестве учителя детей татар-мусульман, когда в городе еще не было ни мечети, ни мектеба (мусульманской школы). Но уже в следующем 1897 г. он был официально утвержден в должности имама нового мусульманского прихода [8, с. 382]. В мемуарах писатель с определенным сарказмом подчеркивал религиозную образованность некоторых татар Бузулука, в том числе их связь с известными мусульманскими деятелями той поры. «Здесь было немало “ученых”: Вафа, Мустафа, Галиулла, Шакир, Кроме них, еще был татарин из д. Тюнтяр — Газим. Этот человек был на связи с Ишми (ишан Ишмухамет Динмухаметов из Вятской губернии, приверженец консервативных (кадимистских) убеждений. — Л. Г.), а сам был джадидом» (т.е. реформатором. — Л. Г.) [6, с. 65]. Таким образом, он подчеркивал условность границ между джадидами и кадимистами в повседневной жизни.

Бузулукский период жизни Г. Гафурова-Чыгтая пришелся на время первой русской революции и связанного с этим активного развития татарской культуры (выпуск газет и другой печатной продукции). В этой связи и сам мулла из Бузулука получил известность литератора именно в революционные годы. Для него сотрудничество с татарскими газетами было еще и дополнительным источником дохода. В мемуарах он приводит имена и других татар, которые тоже в этот период увлекались литературным творчеством. Интересно, что все они служили приказчиками у разных купцов: Ахметжан Биктимиров (автор произведения «Закир и Фатима»), Ярулла Вали («Вечная мечеть», «Блестящий глаз») и др. [6, с. 101]. Судя по всему, все они общались, обсуждали свои произведения.

Чистополь 1883—1891 гг. еще не выделялся таким разнообразием татарских литераторов. Хотя в разные годы в том же медресе, где учился Г. Гафуров-Чыгтай, получали знания знаменитые татарские писатели начала XX в. — Ризаэтдин Фахреддинов, Фатих

Карими, Гаяз Исхаки. Однако в мемуарах Г. Гафурова-Чыгтай уездный центр и его медресе предстают как ничем не примечательные явления для татарской культурной жизни [6, с. 10]. По его мнению, сами чистопольские татары редко отдавали своих детей учиться в медресе и его основной контингент составляли иногородние шакирды [6, с. 220—222]. Но в другом эпизоде автор воспоминаний сам себе противоречит, заявляя, что каждое здание Чистопольского медресе (всего их было три), помимо иногородних учащихся, ежедневно посещали 25—30 «городских детей» [6, с. 218]. Здесь стоит привести и слова инспектора народных училищ Чистопольского уезда А. П. Карпова, отметившего в 1891 г., что «потребность в более или менее удовлетворительно поставленном обучении грамотности чувствовалась и сознавалась местными мещанами» [2, с. 839].

В описании жителей уездных городов Г. Гафуров-Чыгтай сравнивал татар с русским большинством, и, по его мнению, они сильно уступали ему. Он обращал внимание в первую очередь на представителей привилегированных слоев: дворян, купечество, образованных разночинцев, в чьих руках было земское и городское управление. В Бузулуке писатель выделял помещиков Ивановых, Племянниковых, Ждановых, купцов Киселева, Красикова, учителя гимназии Горшенина (подчеркивал, что он меньшевик), последовательницу толстовцев Ольгу и т.д. Кроме того, среди жителей Бузулука он упоминает единичных представителей других народов (евреи, армянин Ибрагим, грек Исаак, турки Карахановы), занятых в основном в торговой сфере [6, с. 78—79]. Русское общество Чистополя Г. Гафуров-Чыгтай, вероятно, персонально не знал, здесь он дает лишь общую оценку местным «господам и дамам». Например, летом шакирд Галиаскар наблюдал на пристани за пассажирами пароходов, а зимой — за молодежью, катавшейся на коньках в городском саду. Впечатляли его «граждане» на велосипедах. Таким образом, его взгляд выхватывал из толпы все прогрессивные новинки своего времени. Но он, как правило, связывал все это только с русским населением, считая себя в прошлом и татар того времени отсталыми [6, с. 231]. Это укладывалось в советские конструкты о прогрессивной роли новой власти в деле развития нацменьшинств (инородцев), угнетаемых раньше царизмом и не имевших якобы доступа к благам европейской цивилизации. «Все начальство, известное дело, состоят из русских. Нет даже татарина-полицейского. Крупные хлеботорговцы, владельцы больших домов — все русские. Жители домов близ Камы, связанные с речным промыслом, — все русские. У татарина нет даже лодки. И квартира его далека от воды, и промысел его не связан с водой. Заняты немного базарной торговлей. Весной еще среди грузчиков хлебных барж бывает много татар» [6, с. 230].

Помимо скромного материального достатка и обусловленной этим фактом «наглости» татар-перекупщиков Чистополя, писатель укорял их в равнодушии к просвещению, в том числе обучению по-русски. Примерно такими же были суждения и о татарах Бузулука — ломовых и извозчиках в своей основе, которых он считал малопригодными к учебе. Здесь Г. Гафуров-Чыгтай судил о них уже как учитель. Он и сам был не особо заинтересован в организации мусульманского школьного дела в г. Бузулуке, об этом он откровенно пишет в мемуарах и указывает множество причин: и собственные семейные неурядицы, и неудовлетворенность материально-технической базой мусульманского прихода (например, обращает внимание на ветхость мечети и мектеба — они находились в одном доме), и маргинальность местной детворы, не заинтересованной в религиозных уроках [6, с. 72—73].

Новым явлением для рубежа XIX—XX вв. было открытие «русских классов» при медресе. Как справедливо указывал писатель, фактически они работали автономно, хотя номинально считались дополнением к мусульманским училищам. В мемуарах даны сведения об учителе русского класса при Чистопольском медресе Фассахе Мухетдинове,

сыне муллы из деревни Апак [6, с. 222]. Слова Г. Гафурова-Чыгтая подтверждаются и архивными данными 1886 г. В Чистополе в тот период учителем русского класса действительно работал выпускник Уфимской татарской учительской школы Мухетдинов [2, с. 846]. В Бузулуке тоже нужен был русский класс, и учебная инспекция делала замечания. Но в отличие от Чистополя 1880—1890-х гг. мусульманская община г. Бузулука и Галиаскар-хазрат не выступали против открытия русского класса, однако уездное земство не спешило выделять средства на эти учебные расходы. Из-за этого медресе функционировало неофициально, так как не было учителя русского класса [6, с. 73].

Наряду с сословно-классовыми особенностями татарского населения Чистополя и Бузулука писатель характеризует их субэтнические черты. И в том, и в другом городе проживало много татар-мишарей, особенно в Чистополе. Между тем в описании Г. Гафурова-Чыгтая можно усмотреть вторичность, так как в общих чертах он повторяет тезисы из труда Г. Н. Ахмерова о мишарях [1, с. 134]. Вероятно, автор был знаком с этой научной работой, опубликованной еще в 1903 г. В частности, так же как и Г. Н. Ахмеров [1], он пишет о говоре чистопольских татар, подчеркивает его отличие от нижегородских, сибирских мишарей [6, с. 229—230].

Как в случае с Чистополем, так и Бузулуком в повествовании Г. Гафурова-Чыгтая присутствует общее разочарование — он жалеет себя и свои годы, проведенные в этих городах. Например, последствиями жизни в Чистопольском медресе он считал свое слабое здоровье, заболевание туберкулезом. И даже собственную отстраненность и высокомерие к миру, «бесполезность» и «паразитизм» тоже связывал с влиянием учителя — Закира-ишана Камалова [6, с. 130]. Безусловно, в этих эпитетах можно увидеть оправдания советского человека.

На бузулукский период жизни писателя приходится его скандальная история с изданием труда «Исабэт». Сразу после выхода книги в декабре 1909 г. Г. Гафуров-Чыгтай уезжает на время в Петербург (там жил его родственник), и общественный удар первых месяцев 1910 г. принимает на себя супруга с детьми. Он пишет, что сначала по Бузулуку распространились слухи о переходе муллы в стан православных миссионеров. Но после его возвращения многие решили, что это клевета и ничего особенного не произошло: внешний вид имама не сообщал ни о каких мировоззренческих переменах. Тем не менее обсуждение в прессе все же способствовало формированию другого общественного мнения. Сам Г. Гафуров-Чыгтай, по его словам, давно хотел оставить должность муллы. Однако в его представлении парадокс заключался в том, что даже при негативном к нему настроении большинства мусульманской общины г. Бузулука в Самарском губернском правлении не спешили лишать его указа, так как формально он ничего не нарушал, а делопроизводство вел исправно [6, с. 128]. Однако надо учитывать, что это поздняя версия событий советского деятеля антирелигиозного фронта. Возможно, автор пытался представить образ заложника царских властей и вытеснить тем самым образ муллы, пытавшегося сохранить религиозную должность даже при таких обстоятельствах. Г. Гафуров-Чыгтай в этот период вызывался в Оренбургское магометанское духовное собрание и там раскаялся. В стихотворении «Мэжрух указ» («Раненый указ») Г. Тукай как раз обращал внимание на эту непоследовательность действий Галиаскара-хазрата [13, с. 93]. После скандала, судя по всему, мулла часто бывал в отъезде, на это указывали и прихожане. Он и сам пишет, что основным источником дохода его семьи стала земля в д. Чебенки Оренбургского уезда, принадлежавшая его жене. Мулла занялся крестьянским трудом [6, с. 128]. Но религиозную должность в Бузулуке Г. Гафуров-Чыгтай окончательно оставил только в начале 1914 г., а его место занял новый имам Вазий Абубакиров [8, с. 384].

Заключение

Мемуары Г. Гафурова-Чыгтай представляют оригинальный образ российского уездного города, где рядом сосуществовали два разных мира — русский и татарский. По его мнению, для русского населения округа уездный город (как Чистополь, так и Бузулук) являлся не только административно-экономическим, но и культурным центром. Для местных татар эти города не играли особой культурной роли, более того, татар-горожан (в основном мещан) автор считал маргинальными и оторванными от мусульманских культурных ориентиров. В этом заключается основная причина негативной оценки им как чистопольского, так и бузулукского периода своей жизни. Несмотря на мрачные тона повествования, Г. Гафуров-Чыгтай сумел зафиксировать детали повседневности местного населения: интересны наблюдения об экономической активности мещан обоих городов и характеристика отдельных героев. Из субъективных оценок и суждений автора складывается образ самого автора: шакирда медресе г. Чистополя и муллы г. Бузулука. И в первом, и во втором случае герой пытался заниматься не только учебной или религиозной деятельностью, но находил время и силы для экономической активности. Однако его малоуспешные попытки, очевидно, усилили общее разочарование, исказили традиционную картину мира. В советское время Г. Гафуров-Чыгтай представил это как отсутствие развития и потерянность в новом мире.

Список источников

1. Ахмеров Г. Н. Избранные труды. Казань : Татарское кн. изд-во, 1998. 237 с.
2. Габдрафикова Л. Р. Русский класс и медресе в 1870—1917 гг.: история одного противостояния (на примере города Чистополя Казанской губернии) // *Minbar. Islamic Studies*. 2022. Т. 15, № 4. С. 830—855. DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-4-830-855.
3. Гайнуллин М. Х. Татарская литература и публицистика начала XX века. 2-е изд., доп. Казань : Татарское кн. изд-во, 1983. 352 с.
4. Гарипова Л. Ш., Зайниева Г. Н. Г. Гафуров-Чыгтай и его творческое наследие в истории татарской литературы // *Поэтическое и культурное пограничье/безграничье творчества Геннадия Айги : материалы конф.* Чебоксары : Чувашский гос. ин-т гуманитарных наук, 2020. С. 198—204.
5. Гафиатуллина Л. Г. Торгово-экономическая жизнь Чистополя во второй половине XIX — начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 26 с.
6. Гафуров-Чыгтай Г. Галинец алтмыш еллык истәлеге. Казан : Слово, 2017. 288 б. На тат. яз.
7. Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во II половине XIX — начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 27 с.
8. Денисов Д. Н. Очерки по истории мусульманских общин Оренбургского края (XVIII—XX вв.). М. ; Нижний Новгород : Издат. дом «Медина», 2012. 410 с.
9. История татар с древнейших времен : в 7 т. / под ред. Р. Хакимова. Т. 6. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 1171 с.
10. Курмаев Н. В. Книжная культура Среднего Поволжья конца XVIII — начала XX в. (на материалах Пензенской, Симбирской, Самарской губерний) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2010. 50 с.
11. Нива: иллюстрированный журнал литературы и современной жизни. 1892. № 29.
12. Рэмеев З. З., Гарипова Л. Ш. Мәғрифәтче-язучы Г. Гафуров-Чыгтай һәм аның “Галинец алтмыш еллык истәлеге” исемле автобиографик жьентыгы // *Просветительское движение у тюркских народов и творчество Абая : материалы конф.* Казань, 2020. С. 227—231. На тат. яз.
13. Тукай Г. Әсәрләр : 5 томда. Т. 2. Казан : Татарстан китап нәшрияты, 1985. На тат. яз.
14. Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. Казань : По городам и весям, 2004. 463 с.
15. Чыгтай Г. М. Хан Баскак. Гомуми хикәя. Казан : “Мәғариф” электро-типографиясе, 1914. 62 б. На тат. яз.

References

1. Akhmerov G. N. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Kazan, Tatarskoe kn. izd-vo Publ., 1998. 237 p. (In Russian)

2. Gabdrāfikova L. R. Russkii klass i medrese v 1870—1917 gg.: istoriya odnogo protivostoyaniya (na primere goroda Chistopolya Kazanskoj gubernii) [Russian class and madrasah in 1870—1917: the history of confrontation (on the example of the Chistopol, Kazan province)]. *Minbar. Islamic Studies*, 2022, vol. 15, no. 4, pp. 830—855. DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-4-830-855. (In Russian)
3. Gainullin M. Kh. *Tatarskaya literatura i publitsistika nachala XX veka* [Tatar literature and journalism of the early 20th century]. 2nd ed., add. Kazan, Tatarskoe kn. izd-vo Publ., 1983. 352 p. (In Russian)
4. Garipova L. Sh., Zainieva G. N. G. Gafurov-Chygtai i ego tvorcheskoe nasledie v istorii tatarskoj literatury [G. Gafurov-Chygtay and his creative heritage in the history of Tatar literature]. *Poeticheskoe i kul'turnoe pogranič'e/bezgranič'e tvorchestva Gennadiya Aigi: materialy konf.* [Poetic and cultural borderlands/boundaries of creativity of Gennady Aiga. Proceed. of the conf.]. Cheboksary, Chuvashskii gos. in-t gumanitarnykh nauk Publ., 2020, pp. 198—204. (In Russian)
5. Gafiattullina L. G. *Torgovo-ekonomicheskaya zhizn' Chistopolya vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Trade and economic life of Chistopol in the second half of the 19th — early 20th centuries. Abstr. Cand. Dis.]. Kazan, 2007. 26 p. (In Russian)
6. Gafurov-Chygtai G. *Galineñ altmysh ellyk istälege* [Gali's 60th Anniversary]. Kazan, Slovo Publ., 2017. 288 b. (In Tatar)
7. Gibadullina E. M. *Musul'manskije prikhody v Samarskoj gubernii vo II polovine XIX — nachale XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Muslim parishes in the Samara province in the second half of the 19th and early 20th centuries. Abstr. Cand. Dis.]. Kazan, 2007. 27 p. (In Russian)
8. Denisov D. N. *Očerki po istorii musul'manskikh obshčin Orenburgskogo kraja (XVIII—XX vv.)* [Essays on the history of Muslim communities of the Orenburg region (XVIII—XX centuries)]. Moscow, Nizhnii Novgorod, Izdat. dom “Medina” Publ., 2012. 410 p. (In Russian)
9. *Istoriya tatar s drevneishikh vremen: v 7 t. T. 6* [History of Tatars from ancient times. In 7 vols. Vol. 6]. Kazan, In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2013. 1171 p. (In Russian)
10. Kurmaev N. V. *Knizhnaya kul'tura Srednego Povolzh'ya kontsa XVIII — nachala XX v. (na materialakh Penzenskoj, Simbirskoj, Samarskoj gubernii): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Book culture of the Middle Volga at the end of the 18th — beginning of the 20th century (on materials of Penza, Simbirsk, Samara provinces). Abstr. Dr. Dis.]. Samara, 2010. 50 p. (In Russian)
11. *Niva: illyustrirovannyj zhurnal literatury i sovremennoj zhizni* [“Niva”. Illustrated magazine of literature and modern life]. 1892, no. 29. (In Russian)
12. Rōmeev Z. Z., Garipova L. Sh. Məg”rifətche-yazuchy G. Gafurov-Chygtai hōm anyñ “Galineñ altmysh ellyk istälege” isemle avtobiografik žyentygy [Enlightenment writer G. Gafurov-Chygtay and his autobiographical collection entitled “Sixty-year memory of Gali”]. *Prosvetitel'skoe dvizhenie u tyurkskikh narodov i tvorchestvo Abaya: materialy konf.* [Educational movement of the Turkic peoples and the work of Abaya. Proceed. of conf.]. Kazan, 2020, pp. 227—231. (In Tatar)
13. Tukai G. *Əsərlər: 5 tomda. T. 2* [Works. In 5 vols. Vol. 2]. Kazan, Tatarstan kitap nəshriyatı Publ., 1985. (In Tatar)
14. *Chistopol' i chistopol'tsy. Iz proshlogo i nastoyashchego* [Chistopol and Chistopol residents. From the past and present]. Kazan, Po gorodam i vesyam Publ., 2004. 463 p. (In Russian)
15. Chygtai G. M. *Khan Baskak. Gomumi khikəya* [Khan Baskak. General story]. Kazan, “Məgarif” elektrotipografıyase Publ., 1914. 62 b. (In Tatar)

Информация об авторе

Л. Р. Габдрафикова — доктор исторических наук, главный научный сотрудник¹, ведущий научный сотрудник²

¹ Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

² ФИЦ «Казанский научный центр Российской академии наук»

Information about the author

L. R. Gabdrāfikova — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher¹, Leading Researcher²

¹ Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences

² FRC Kazan Scientific Center of RAS

Статья поступила в редакцию 03.10.2023; одобрена после рецензирования 13.11.2023;
принята к публикации 20.02.2024

The article was submitted 03.10.2023; approved after reviewing 13.11.2023;
accepted for publication 20.02.2024